

МИРЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Белград – Москва
2011

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА
МЕМОРИАЛЬНАЯ КВАРТИРА АНДРЕЯ БЕЛОГО

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства
науки Республики Сербии

Редактор:
проф. д-р Александра Вранеш

Редакторы-составители:
проф. д-р Корнелия Ичин и д-р Моника Спивак

Составители:
Иоанна Делекторская и Елена Наседкина

Художественное оформление обложки:
Анна Неделькович

Рецензенты:
проф. д-р Таня Попович
проф. д-р Михаил Вайскопф

ISBN 978-86-6153-018-0

Тираж 500 экз.

Издательство филологического факультета в Белграде
11000 Београд, Студентски трг 3, Република Србија

Подготовлено к печати и отпечатано в типографии
„Graficar“, 31205 Севојно, Горјани бб, Република Србија

Д.О. Торшилов (Москва)

ТЕКСТОЛОГИЯ БЕРЛИНСКОЙ «ГЛОССОЛАЛИИ»

Сокращенные обозначения основных источников текста и библиографических материалов:

Б.../... – берлинская «Глоссолалия» (первая цифра – номер главы, вторая – страницы);

ЗС... – «К звуку слов» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 12; цифра – номер листа);

Р... – наброски из РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 20; цифра – номер листа);

Д... – публикация отрывков «Глоссолалии» в альманахе «Дракон»¹ (цифра – номер страницы).

БТ... – «Безрукая танцовщица» (другая редакция начала поэмы²; цифра – номер главы);

РД... – «Ракурс к дневнику» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100; цифра – номер листа);

РЧ... – «Работа и чтение» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 6; цифра – номер листа).

При обращении к переписке Белого и Иванова-Разумника в скобках приводится номер страницы по изданию: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998.

«Глоссолалия» при жизни автора была напечатана полностью один раз – в Берлине в 1922 г. Широко известен казус с опечаткой

---

¹ Андрей Белый. Отрывки из «Глоссолалии» (поэмы о звуке) // Дракон. Альманах стихов. Вып. 1. Пб., 1921. С. 54–67.

² Опубликована: Андрей Белый. Безрукая танцовщица / Публ. Е.В. Глухой, Д.О. Торшилова // Литературный календарь: книги дня. 2009. № 5. С. 5–25.

на обложке, но и в остальном качество набора было плачевно³. Томас Байер, которому принадлежит единственное научное издание поэмы, пошел по пути сознательного минимализма, перенабрав берлинский текст⁴. Из двух переизданий поэмы в России в первом, томском⁵, введено несколько очевидных конъектур⁶; в московском⁷ нет даже их. Хотя Белый сам писал про «Глоссолалию», что она «совсем безумная» и «левой футуризма»⁸, тем не менее футуристом он не был, – даже если бывал еще левей⁹, – и опечатки частью произведения не считал. Если он их замечал, то исправлял¹⁰; следовательно, в принципе имеет смысл стремиться к эмендации.

³ Примеры для общей характеристики качества набора: «второе происшествие Слова – свершится» вместо «второе пришествие» (Б 69/123); «развивалась, сливалась» вместо характерного для Белого «развивалась, свивалась» (Б 2/12, ср. ЗС 41, БТ 2); «смыслы людей» вместо «смыслы лучей» (Б 31/50, ср. ЗС 5); «среде» вместо «сфере» (Б 26/45, ср. ЗС 47); «знаний» вместо «значений» (Б 52/84, ср. ЗС 65, ЗС 91); «свиснет» вместо «свистнет» (Б 66/116) и др. Спутаны хрестоматийные цитаты (конец Евангелия от Матфея: «Аз с вами до скончания века» – набрано «окончания»), Б 45/69; напечатано правильно в Д 64, т.е. это не описка Белого); могут быть набраны стихи без соблюдения размера – «Рудую солнца посеян свет, / Для вечной правды названья нет» напечатано «названия» (Б 6/20).

⁴ *Andrej Belyj. Glossolalia. Poem über den Laut = Glossolalie. A Poem about sound / Übersetzt von M. Kandelaki. Transl. by Th.R. Beyer. Mit Einmerkungen und einer Einführung von Th.R. Beyer. Dornach, 2003.*

⁵ *Андрей Белый. Глоссолалия. Томск: Водолей, 1994.*

⁶ Вероятно, их сделал Е.А. Кольчужкин, указанный в выходных данных как редактор. Например: «жало змеи» вместо «мало змеи» (Б 62/112), «промежуточен между "ts" и меж "ph"» вместо «имен "ph"» (Б66/114) и еще несколько.

⁷ *Андрей Белый. Глоссолалия. М.: Evidentis, 2002.*

⁸ Письма Иванову-Разумнику от 5 и 18 сентября 1917 г. (С. 133, 136).

⁹ В этом с ним согласен, например, В. Дмитриев: футуристы и формалисты «гораздо консервативнее учителя и выглядят не последователями его, а предшественниками», им «не удалось превзойти символистов в революционности» (*Дмитриев В. ПОЭТИКА. Этюды о символизме. СПб, 2003. С. 139, 142*). Ср. подробный анализ соотношения двух стратегий поэтики и литературоведческого анализа Ханзеном-Лёве (*Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм. М., 2001. С. 36–55, 92–95, 103–111, 121–129, 161–164*).

¹⁰ Экземпляр, подаренный Белым М.Я. Штейнер, имеет исправления рукой автора на титуле, авантитуле, в предисловии; хранится в Rudolf Steiner Archive, фотографии опубликованы Т. Байером (см.: С. 36, 252–253 его издания). О том, как Белый исправлял опечатки, даря книгу, вспоминают и другие (*Андреев В. Из повести «Возвращение в жизнь» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М., 1995. С. 298*).

Беловая рукопись или авторизованная машинопись «Глоссолалии» утрачена. Существует, однако, большое количество рабочих материалов Андрея Белого; часть из них хранится в отделе рукописей РГБ¹¹, часть в РГАЛИ, отдельные листы обнаруживаются в разных его рукописях. Папка в РГАЛИ содержит, в основном, подготовительные материалы (выписки, первые размышления на тему, рисунки). Среди черновиков РГБ можно выделить две редакции значительной части поэмы¹². Одна из них кратка и довольно далека от окончательной; вторая обширней – берлинский текст получен из нее путем незначительной обработки, в основном сокращения.

Их можно приблизительно датировать, проследив историю работы Белого над «Глоссолалией» по переписке и автобиографическим материалам. Поэма была задумана в июле 1917 г. как «экскурс»¹³ внутри исследования эвфонии Блока¹⁴. Выход к распределению звуков по «планетарным» эпохам, т.е. к конструкции основной части «Глоссолалии», произошел после знакомства Белого с курсом лекций Штейнера «Тайны библейского миротворения»¹⁵. Потом Белый активно стал читать лингвистов. Отражающие это материалы – кривые звуковых формул Блока вперемешку с набросками, явно отсылающими к

---

¹¹ На первом листе заголовки «К звуку слов». См. список сокращений.

¹² См. немного подробнее: Глухова Е.В., Торшилов Д.О. «Глоссолалия» Андрея Белого: черновые варианты и рисунки к тексту // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 207–218.

¹³ Письмо Иванову-Разумнику от 25 сентября 1917 г. (С. 136).

¹⁴ Его части опубликованы: Стихотворение Александра Блока «К Музе» в интерпретации Андрея Белого / Публ. А.В. Лаврова // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб, 2008. С. 300-308; Глухова Е.В. Статья Андрея Белого об аллитерациях в поэзии Блока // Труды Русской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004. Существует еще черновик финала (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. 13. Л. 51), опубликованный в: Андрей Белый. Безрукая танцовщица. С. 9. Там же и в публикации А.В. Лаврова см. о гипотезах относительно датировки; в целом все же надо полагать, что «Глоссолалия» была начата сразу после статьи о Блоке, вошедшей в «Поэзию слова», зимой 1916/1917 г. (РД 83об; приписка Иванову-Разумнику на опубликованном А.В. Лавровым материале), затем оставлена и возобновлена летом 1917 г. (РЧ 2, РД 88об; Письмо Иванову-Разумнику от 25 сентября 1917 г. С. 136).

¹⁵ Он был известен Белому в распространявшемся среди антропософов анонимном переводе (цитируется в Б 15/33; сейчас тот же перевод в отредактированном виде издан: Штайнер Р. Тайны библейской истории сотворения мира (Шестоднев Книги Бытия) / Сверка и редакция С. Шнитцлера. Ереван, 2004).

штейнеровскому курсу, и первыми пробами собственных спекуляций на тему «космического звука»¹⁶ – хранятся в РГАЛИ и датируются, таким образом, июлем – сентябрем 1917 г.¹⁷. Два свидетельства можно отнести к двум редакциям, сохранившимся в РГБ, но большей надежности в этом нет:

«Август. Первая часть статьи “Глоссолалия”. Сентябрь. Вторая часть “Глоссолалии”. Октябрь. Заново переделываю “Глоссолалию”»¹⁸.

«Октябрь связан мне с тою же милой жизнью с Раз[умником] Вас[ильевичем]¹⁹ и ожиданием уже ясно наметившегося Окт[ябрьского] переворота; внешне: пишу текст “Глоссолалии”, используя (*sic*) имеющийся у меня материал»²⁰.

Выходит, что к октябрю поэма была написана, а в октябре переписана (и, кстати, только тогда стала называться «поэмой» и «Глоссолалией»²¹). Соблазнительно предположить, что речь идет именно о двух редакциях РГБ, и вторая является именно этим октябрьским текстом; но произведено ли то ее сокращение, результатом которого стал берлинский текст, тогда же, или в последующие годы, или прямо в Берлине, установить нельзя.

Иванов-Разумник не смог напечатать «Глоссолалию» во втором выпуске «Скифов», для которого она предназначалась, из-за трудностей с типографскими клише для схем²². Публикация поэмы отклады-

---

¹⁶ «О космическом звуке» – название будущей «Глоссолалии» в письме к Иванову-Разумнику от 9 августа 1917 г. (С. 128).

¹⁷ «Июлю к 15му переселяюсь в Поворовку <...> штудирую курс лекций Штейнера "Тайны библейского миротворения", который подымает во мне тему "Глоссолалии". Перечитываю глоссолалийные страницы у Бэме; читаю Макса Мюллера (кажется "Мысль и язык" – не помню точно заглавия этого сочинения); экспериментирую на Блоке над эвфоническими жестами. Читаю книгу Мейе (по сравнительному языкознанию)» (РД 88об; ср. РЧ 2 и многие письма Иванову-Разумнику июля – сентября 1917 г.).

¹⁸ рч 2–3.

¹⁹ Разумник Васильевич Иванов – настоящее имя и фамилия Иванова-Разумника.

²⁰ РД 89.

²¹ Впервые она названа «поэмой о звуке» в письме Асе Тургеневой от 4 ноября 1917 г. (ОР РГБ. Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 19. Л. 11об), «Глоссолалией» – в письме Иванова-Разумника от 9 ноября 1917 г. (С. 139; до этого – «статья»).

²² См. его письмо от 9 ноября 1917 г. (С. 139).

валась пять лет²³, но отдельные главы ее были напечатаны в 1921 г. в альманахе «Дракон»²⁴.

Публикация в «Драконе» – единственный источник, свидетельствующий о состоянии текста между 1917 и 1922 гг.: напечатанные в ней главки 1, 2, 3, 4, 6, 11, 12, 13, 18, 19, 30, 43 полностью совпадают с берлинским текстом, хотя несколько лучше по качеству набора²⁵. Впрочем, все самые трудные в текстологическом отношении, многоязычные и многоалфавитные «лингвистические» главки просто пропущены. Главка 48 «Дракона», финал «Солнца», соответствует берлинским 44–45 (но текст идентичен). Т.е. имело место сокращение или перестановка: так как 43 главка – это вкрапление теоретических рассуждений среди «космофонической» конкретики, можно предполагать, что здесь, между Б 43 и Б 44, находилось в 1921 г. какое-то продолжение рассуждений; возможно, оно перенесено далее, внутрь «Луны» (главки 56 – 61).

Прямо за финалом «Солнца» в «Драконе» идет начало «Луны» (49 по «драконовской» нумерации). В берлинском тексте между ними вставлено обширное рассуждение, в основном о гласных: эта главка, как и первая «лунная», пронумерована 46 – в берлинском издании две 46 главы. Черновики (ЗС 26, ЗС 80б) свидетельствуют, что на ранних этапах работы это рассуждение шло *после* начала «Луны», и понятно, что так было даже во время подготовки публикации в «Драконе» в 1921 г.: в последний момент, вероятно, прямо при подготовке берлинского издания, Белый переставил ее вперед, а перенумерация (усложненная еще сокращением главок перед финалом «Солнца») не была произведена. Законно считая целесообразным сохранение берлинской нумерации, Т. Байер решает казус с двумя 46-ми главками, давая второй (началу «Луны») «дополнительный» номер 46а. Наверно, лучше было бы предшествующую называть «45а», подчеркивая именно ее вставной и дополнительный характер (она вообще не слишком свя-

²³ Было несколько проектов издания: в третьем выпуске «Скифов», в «Алконосте» (отдельное), в «Драконе» (отдельное), в «гржебинском» собрании сочинений, в журнале «Эпоха» – см.: Глухова Е. В., Торшилов Д. О. «Глоссолалия» Андрея Белого: черновые варианты и рисунки к тексту. С. 211.

²⁴ См. список сокращений.

²⁵ Нет лишних больших букв («космосе», «земель», Д 55, ср. Б 1/12, Б 2/12; «космосу», Д 57, ср. Б 6/19), сохранены ударения («безобразно», Д 60, ср. Б 18/37), пунктуация («я – скиф; в мир созвучий родился я только что; ощущаю себя <...>» – Д 60; в берлинском издании обе точки с запятой потеряны).

зана с «планетарной» классификацией, касающейся согласных, отчего Белый и сомневался в ее месте).

Последняя главка «Дракона», 64, представляет собой контаминацию отрывков берлинских глав 64, 65, 71, 72. Здесь несколько портится качество набора²⁶. Идет ли речь о сокращении или расширении, сказать трудно; во всяком случае, ясно, что вторая половина поэмы (ее центром, и в содержательном и в техническом смысле, конечно, является «Солнце») была менее стабильна, чем первая. Кроме того, главки «Земли» (кроме самого начала – первые абзацы Б 64) и заключительные главки (Б 69 – 74) хуже всего подкреплены черновиками: для главок 66 и 67 с полным систематическим «космоалфавитом» и для двух последних главок поэмы нет никаких источников текста, кроме берлинского издания, и они вполне могли быть добавлены (или сильно переработанны) в последний момент²⁷.

Кроме того, раннюю редакцию начала поэмы Белый собирался издать отдельно, под названием «Безрукая танцовщица». Судя по косвенным данным, она предназначалась во «Временник ТеО Наркомпроса» в 1918 г. (?)²⁸. Она также в нескольких местах способствует исправлению берлинского текста.

Слова Белого в предисловии к берлинскому изданию, что он «печатает “Глоссололию” через пять лет после написания», не следует понимать как утверждение о неизменности ее текста. Известно, что Белый, особенно в это время, почти не перепечатывает старых текстов – хотя бы без ретуши²⁹; некоторые места берлинского текста носят характер не просто сокращения, а поспешного сокращения без перепроверки (например, описание словарных гнезд «солнечных корней», Б 32 и след.). Если помнить о лихорадочной обстановке русско-

---

²⁶ См., например, «звукоочно» (вместо «звук давно», Д 67 = Б 72/129), потеря пунктуации (Д 66, третья строка снизу; в берлинском тексте место сокращения – единственный случай стилистической правки между двумя изданиями).

²⁷ Хотя по смыслу «космоалфавит», трактовки отдельных звуков, восходит к самым ранним этапам работы – Р 34–39.

²⁸ Опубликована – см. список сокращений.

²⁹ В это время сокращен «Петербург», переделано «Золото в лазури» и др. «Каждая его корректура – новая книга! <...> у наборщиков руки опускаются» (Цветаева М. Пленный дух // Воспоминания об Андрее Белом. С. 273. Цветаева пересказывает жалобы берлинского издателя).

го книгопечатания в Берлине периода инфляции³⁰ и о том, какое количество книг Белый там за краткое время выпустил, то вероятность поспешного сокращения именно там очень высока.

Таким образом, между последней имеющей редакцией и берлинским текстом мы имеем одно или, вероятней, даже два сокращения. Следовательно, в случаях неувязки всегда приходится выбирать между возможностью ошибки наборщика, которую можно просто исправить, возможностью авторской правки, может быть, поспешной и необдуманной, но не подлежащей простому исправлению – или даже возможностью искажения такого авторского текста, которого мы не имеем. Иногда по черновикам можно прямо исправить текст (если он остался нетронутым при последней переработке); чаще черновики дают возможность понять смысл искаженного места или, зная привычки автора, оценить вероятность того или иного сомнительного прочтения.

Текст (или его часть?), вероятно, прошел через диктовку. Например, Белый, как правило, обозначает звуки одной буквой, а не названием буквы; однако в Б 25/44 читаем: «ha-er-be-er»; в черновиках ему соответствует «h-r-b-r» (ЗС 24). Естественно предположить, что диктовавший произнес что-то вроде: «По буквам: ха, эр, бэ, эр; через дефис, буквы латинские» – ремингтонистка так и записала. Есть еще несколько таких мест, которые мы можем проверить черновиками, и несколько в той части, для которой черновики нет³¹. С другой стороны, названия букв звучали в сознании Белого и даже влекли за собой ассоциации («ха» с выдохом, например³²). Иногда он даже писал названия русских букв – например, «в “ша” и в “же”» (ЗС 99), – но все же не латиницей. Другой пример того, как звуковые ассоциации букв ведут за собой фразу: «“rei”, “erei”, стало нам лишь “elei”; “эли”, “олы” (Эолы) и “алы” точили “эн-эммуу” влагу» (Б 47/76)³³.

³⁰ См., например: *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. I: Россия в Германии. М. 2001. С. 154 и след.

³¹ Например: «"ha" и "er"» вм. «"h" и "r"» (Б 26/45, ЗС 24) «ha-er-ha» вм. «hgh» (Б 26/45, ЗС 24) и др.

³² «И если бы уплотнить в явный звук этот шум –|– было б легкое –|– “hhh” –|– в легучем безвещии звука; так “ha” возникало; то – “Hauch”; легкий звук» (ЗС 25, черта обозначает ступеньку, оформленную двумя тире). Ср. «“хха” – выдыхаем мы струю жара» (Р 46).

³³ Т.е. «рэй, или, так сказать (если вспомнить название буквы), эр-эй, стал эль-эй; эти э-ли или (если поменять теперь гласную, а не согласную) о-лы или а-лы...».

Берлинское издание набрано по дореформенной орфографии, но небрежно; небрежность в той единственной ее букве, которая Белому важна – это фита. У фиты есть свое толкование в 64 главке (она – звук эфирного тела); Белый слышит ее в принципиально важном для поэмы символе Ээирии-Овейры-Аэрии, «страны, где жили мы до рождения», и откуда принесены сюда эти солнечные речи. В черновиках Белый иногда употребляет «алфавит», состоящий из латиницы и кириллической фиты, – со специальной оговоркой в примечании, что это именно она, – например, «sveø sviaø» (ЗС 77). Он последовательно пишет фиту в слове «ээиръ» и производных, и именно в них в наборе повсеместно набран ферт. Забавная ошибка, происходящая из дурных отношений наборщика с фитой – некая богиня «Феа» (Б 41/64, ср. ЗС 78); речь шла о египетском боге «ФѠа», Фта, т.е. Птахе.

Более серьезны неувязки с орфографией остальной части поэмы, т.е. слов на многочисленных языках и вдобавок к ним, если можно так выразиться, «глоссолалических конструкторов», изобретений Белого, играющих ту же роль, которую у индоевропейцев играют формы, сопровождаемые звездочками (гипотетических форм, показывающих происхождение наличных слов разных языков от исходных «корней»)³⁴.

Во-первых, сам Белый в черновиках, как правило, ставил в редких словах ударение. Он начал делать это под влиянием греческой орфографии, выписывая имена из словаря греческих имен Бензелера³⁵. При этом сами имена он почти сразу переписывал латиницей, но ударение сохранял, иногда даже в односложных (как по-гречески) именах; мало того, стал ставить и в не-греческих. Эти ударения нужны для ритмики поэмы: «проза» Белого в «Глоссолалии» еще не выровнена трехсложником окончательно, но уже близится к этому, и в любом случае для автора ритм был важен, а читателю облегчал бы восприятие весьма специфического текста. В редких случаях ударения

³⁴ Примеры обычной путаницы: «arga» вм. «arya» (Б 25/44, ср. ЗС 49); «Airga» вм. «Airy» (Б 25/44, ср. ЗС 24); «е» вм. «l» (Б 45a/74, ср. ЗС 85об; то же самое на рис. 10, С. 78, ср. ЗС 8); «И» вм. «u» (Б 45a/74, ср. ЗС 85об) и др.

³⁵ Dr. W. Pape's Handwörterbuch der Griechischen Sprache. Bd. III-IV: Wörterbuch der griechischen Eigennamen / Bearb. Dr. G.E. Benseler. Braunschweig, 1884 (repr. 1911). «Весь сентябрь езжу в Дедово, где зарываюсь в словари (греческие) и добираю из словарей глоссолалийный материал» (РД 89) – это про Бензелера. Выписками из него покрыты листы Р 4-8 (своеобразная «сортировка» выписанного на Р 9-10).

сохранились и в берлинском тексте³⁶, но большинство их потеряно. Ясно – например, по списку царей-«солнчан»³⁷, – что кириллических гласных с ударениями просто не было в распоряжении наборщика, но и когда они были, они тоже обычно пропускались – в начале набора реже, а потом чаще и чаще.

Иногда без авторской разметки невозможно догадаться, как звучал текст для Белого; так, в мелодической цепочке, идущей от греческого слова *ἀήρ*, «воздух», Белый сохранял место греческого ударения в «византийском» варианте транслитерации «Аир» и в производном «Аэрия», но почему-то сдвигал его в «аэр», соблюдая трехсложный ритм:

«...но ээир охладняется воздухом; он – Аир. / В древней-древней Аэрии, в аэре, жили когда-то и мы...»³⁸.

Ориентируясь на практику лингвистов, Белый разработал себе систему условных обозначений, букв с диакритиками. Эту систему он оговаривает в специальном примечании, которое несколько раз менялось³⁹ (в процессе работы произошел сдвиг в сторону привычной для него немецкой орфографии), но все же осталось в «Глоссолалии» (Б 36/55). Автор этой системе следовал, чего по набору сказать нельзя. Например, знак для «у неслогового» пропущен в наборе несколько десятков раз⁴⁰ – что особенно забавно, потому что сохранилось примечание, его объяснение («“у” есть звук полугласный; он средний меж “и” и меж “w”» – Б 20/39); пропущен он и в самом примечании, в результате имеющем абсурдный вид.

Нельзя было набрать, вероятно, индоевропейского «шва», которое, судя по смыслу и черновикам, один раз должно было быть набрано в берлинском тексте (Б 27/45), хотя обычно именуется описательно – е перевернутое. Вполне можно было набрать две буквы с «кароном», «ǵ» (обозначающее по системе Белого «ж») и «ǵ» (обозначающий «ц»). Они активно употребляются и в черновиках, и несколько

---

³⁶ «Arché» (Б 26/45), «Zé-па» (Б 34/53); загадочное «zé» (нужно «zoé», Б 45a/74, ср. ЗС 85об).

³⁷ Б 41/74, ср. ЗС 78. Как и прочие именные списки, он должен быть размечен ударениями целиком.

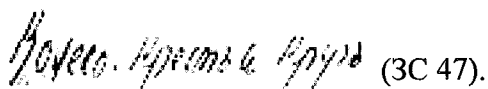
³⁸ Б 45/68, ср. ЗС 81, ЗС 119, ср. также Б 45/69 и ЗС 82.

³⁹ Р 19об, Р 8.

⁴⁰ Б 20, 6 раз; Б 21, 2 раза; Б 22, 5 раз; Б 33; Б 54, 7 раз; Б 55.

раз – в берлинском тексте, хотя их рожки, как правило, пропущены⁴¹. С «ž» имеет место путаница, потому что Белый, как следует из некоторых мест, был склонен по привычке к немецкому и простое «z» читать как «ц» (в Б 42 речь идет о корне «zar», «зар», но «Zaretis» Белый «переводит» как «царевна», т.е. читает про себя «Царетис»).

В берлинском тексте много лишних заглавных букв. С одной стороны, эмфатическое применение большой буквы, придающее слову статус символа (например, «Слово»), вполне ожидаемо для текстов Белого; с другой, он часто пишет начальную букву слова чуть крупнее, так, что эта моторно-графологическая черта вводит в заблуждение. Например, в следующей строке из трех начальных «к» только первое – заглавное, хотя все три выше средней линии строки:

Космос. Крест в Круа (ЗС 47).

Оба начальных «к» – маленькие:

Космос. Крест в Круа (ЗС 38).

Маленькое начальное «к» без предшествующих рисунков вполне может показаться заглавным:

Космос. Крест в Круа (ЗС 38).

Так же можно подобрать примеры с начальными «с» и «а». По черновикам и текстам «Дракона» и «Безрукой танцовщицы» можно точно судить о десятке лишних заглавных букв⁴², а значит, можно предполагать их и в местах, не подкрепленных черновиками⁴³. Тогда текст будет менее патетичен, чем может показаться.

Иногда черновики не могут распутать неясности, но известны лингвистические источники Белого. Например, загадочное «ассирий-

⁴¹ «Ġ» пропущено в Б 36 дважды, «ž» дважды в Б 36, дважды в Б 39, 13 раз в Б 50.

⁴² «Космосе» (Б 1/12, ср. Д 55, ЗС 40, БТ 1); «Космосу» (Б 6/19, ср. Д 57); «Крест» (Б 27/46, ср. ЗС 47, ЗС 60); «Струя» (Б 20/39, ср. ЗС 25); «Санскрите» (Б 25/44, ср. ЗС 24); «Свето-огнь» (Б 30/49, так же Д 62, ср. ЗС 27); «Сольц» (Б 50/81, ср. ЗС 86об); «Существо» (дважды – Б 53/86, ср. ЗС 55об; Б 54/88, ср. ЗС 64); «Аг-еип» вм. «ar-oup» (Б 24/43, ср. ЗС 49); «Арпец» (Б 25/44, ср. ЗС 24); «Аеи» (Б 27/46, ср. ЗС 60, ЗС 38).

⁴³ «Космоса» (Б 66/114); «Свет» (Б 30/49); «Ассирийское» (Б 60/96); «Сс» (вступление. С. 10); «С» (Б 69/124, Б 66/107); «К» (Б 66/113) и др.

ское восходящее солнце» трижды названо в берлинском тексте по-разному: «Siherach» (Б33/51, черновик к этому месту дает «Siaerach», ЗС71); «Siaerach» (Б42/64, в черновике опять иначе – «Sierah», ЗС79) и «Sierach» (Б60/96)⁴⁴. В самом раннем (Р 5) есть выписка: «Siaerah⁴⁵ (ассир. имя: *Солнечный восход*)». Это слово взято Белым из упоминавшегося словаря Бензелера, где в статье Σήρ говорится: «*phōniz. Siaerah d.i. Sonnenaufgang*» («финикийское *Siaerah*, т.е. восход солнца»). Белый, вероятно, читал понравившееся ему слово «Сизрах» – тогда, если учесть латинское «ae», читающееся как «э», немецкое «ch», читающееся «х», и немое немецкое интервокальное «h», – понятны варианты написания.

Таким образом, ошибался при переписывании и сам Белый. Относительно его ошибок решение может быть разным: во всяком случае, безусловно заслуживают сохранения те варианты, которые соответствует ритмике или образности поэмы. Например, Αριζέρια Бензелера Белый, вряд ли сознательно, переделал в Arizéria (ЗС 79); но оно явно вписано в ритмическую и эвфоническую фигуру «Aruzís, Siazúr, Arizéria, Éssa» (Б 42/64) – так ради трехсложного ритма и перекрестья аллитерации изменено «Siazúr, Sízara, Aruzís, Arizéria, Éssa» черновика. «Эризахе́й» (ЗС 80) – ошибка Белого при не раз выписанном им из Бензелера «правильно» Erisatheús (Р 4, Р 9); но так больше «солнечных» спирантов ряда «Эрехе́й, Ферсэфасса, Хэфайсть, Эризахе́й и Ахе́йя». Впрочем, в берлинском тексте снова напечатано «правильное» «Эризахе́й» (Б 42/65).

Там, где не сохранилось черновиков и нет лингвистических источников, приходится прибегать к конъектурам. Например, в берлинском издании напечатано:

«“Г” – рыхлость, рассыпчатость, леса; “г” – поверхности минералов» (Б 66/113).

Леса не имеют отношения к рыхлости, рассыпчатости и минералам; непонятно множественное число, в котором они стоят; они не дают того представления о вещественной субстанции той или иной консистенции, не дают той интуиции тактильности, которая обычна для трактовок согласных в этом списке. Вероятно, нужно читать

---

⁴⁴ Т. Байер в комментарии высказывает предположение, что это «Шираз» («Shiraz»).

⁴⁵ В автографе слово выделено двойным подчеркиванием.

«“Г” – рыхлость, рассыпчатость лёсса; “Г” – поверхности минералов».

При отсутствии точек над «ё»⁴⁶ в получающихся «лессах» была исправлена орфографическая ошибка и добавлена необходимая запятая. Лёсс – это такой тип почвы, рыхлая, рассыпчатая горная порода. Белый защитил диплом об оврагах и должен был быть знаком с почвоведческим лексиконом.

Из пунктуационных недочетов самый систематический и очевидный – почти повсеместная потеря характерных для прозы Белого ступенек, отмеченных двумя тире, хотя в черновиках этот введенный им и до сих пор не имеющий устоявшегося названия пунктуационно-интонационный знак неизменно присутствует. В берлинском тексте они изредка сохраняются (например, Б 53/86), но куда чаще сбиты, превратившись в обычную красную строку⁴⁷. В отдельных случаях похоже, что пропуск строки есть рефлекс потерянной ступеньки (неверная реакция на предписание вроде «сделайте отступ»?)⁴⁸.

Особый вопрос касается графического ряда поэмы, схем и рисунков. В рукописях графический ряд намного богаче, например⁴⁹:

Следует разъяснение:

⁴⁶ Точки над «ё» и сам Белый ставил спорадически, хотя чаще, чем набрано в берлинском тексте. Иногда они важны для фоносемантических трансформаций, как «небо – нёбо» по всей поэме, «ядрёный – ведро – ёдро» (Б 4/53; в берлинском тексте читатель скорее расслышит «ведрó – едрó»), «harez – kaleth – led – лед – рез – лёд – рёз – рёзы – розы – грёзы» (Б 49/79).

⁴⁷ Б 7/32, Б 31/50 и т.д.

⁴⁸ Б 55/89; несколько раз в Б 60.

⁴⁹ ЗС 84, примерно соответствует Б 50. Белый тяготел к тому, чтобы выделять отдельные звуки, важные для фоносемантической конструкции, иначе (подчеркивание жирной дужкой, иногда увеличенный размер буквы), чем целые слова (просто подчеркивание). Первое передается жирным курсивом, второе – просто курсивом.

««Vl» – волей (Борей), вóлны; и «vl» – Wol(k); это – облако пара: «s-oln» – «sol» и «soln(ž)e»; «lž-ž-alž» это соль; это – «salž».

Здесь субстанция моря нам яснится в действиях солнечных: «sln, zln» моря есть: *зéлено, sóлоно*; «vln» – *волнисто* <...>.

Пояснение рисунка из другого места⁵⁰:

«Вот образ космоса: –

– белая грива волн, моря, кипит клочковатую пеной; «olóln», подлетая, – сшибаются, бегают: *вóлны*; откуда-то “es” (“ты – еси”) посылают в “olóln”ы лучи; великолепие блесков летит на “olóln” золотой чешуей; лучи света прогреют поверхности “инны” (in, innig); пары –

– II –

– поднимаются

в воздухе, в “v”; и образуется: –

– wl: –

– wlowolów-wolwoláh –

– *волохá* (облака) *воло-*

чатся волéем (бореем); борей задевает «oln» моря; «woln» – образуется: волны; после: –

– в “n” выделяются соли

и травы: “k”, “t”; и отблеск света на «k» (на зеркальной, кристалльной поверхности) – “žé”; образуется первая соль, как “alz” в действиях Солнца; то: *sálz, sáls, háls*; то “солъц” Солнца).

Иногда схемы и схемки идут так часто и так сплетаются с собственно изложением, что получается сплошной поток графики, визуальной поэзии, который трудно расплести на линейный ряд «текст–изображение–текст». Очень вероятно, что Белый был предупрежден о невозможности напечатать такое, и почти не вызывает сомнения, что по мере приближения к печати он ликвидировал большую часть графики сознательно и, возможно, продолжал это сокращение и в последней переделке, но в некоторых местах явно оставил мини-схемки, которые были утеряны (во время диктовки?), например:

«...”o” – душевность ребенка: “m” – плоть; до рождения отношение к телу души таково: – От, что значит: внутри “O” (души) зреют “m”»⁵¹.

⁵⁰ ЗС 46об, примерно соответствует Б 49.

⁵¹ Б 45а/71 – та главка, вставленная или переставленная в последний момент, с неучтенным номером, о которой говорилось выше; ср. ЗС 56об, ЗС 90об. Аналогично в Б 52/85: «когда жест звука “от” есть таков: “m” внутри “o”» – вместо описания должна быть схемка, ср. ЗС 95.

Но вместо букв «Om» должен был быть рисунок мандалы с буквой «m» внутри круга и вписанного в него креста:

Что-то сложное происходило со схемами в Б 68. Первая, цветок, образуемый «силами «t»», стоит там, где она уместна, и введена двоеточием⁵². В конце абзаца «<...> равнодействия сил “t” (разлета) и сил благих сущностей, действующих с периферии и к центру» мы имеем двоеточие без всякого продолжения; наверно, здесь и должна была идти схема с изображением двух ангелов, склоненных над «равнодействием разлета t», которая в тексте перенесена ниже, между потерянными ступеньками.

Если проследить композицию поэмы, то здесь, в 68-ой главке, завершается описание Земли и всех планетарных периодов, основная часть поэмы. Предпоследний абзац кончается замечательной фразой:

«...здесь ставлю точку: —»

— и, несмотря на обещающее какое-то продолжение пунктуационное оформление, которым кончается фраза вместо обещанной «точки», затем обычным образом, с красной строки и заглавной буквы, начинается следующий абзац:

«Голова есть Земля: чаша звуков лежит в опрокинутом виде; ...»

— следует описание; основная часть поэмы кончается.

Если до этого схемы вводились двоеточием, то очень похоже, что тут, после «здесь ставлю точку» с двоеточием и, вдобавок, тире, должна была идти особенно большая и важная схема; это место одного из вариантов главной общей схемы звуковой фантазии Белого, которая изображает именно перевернутую голову с вписанной в нее чашей и разметкой звуков и элементов мироздания. Вот один из ее известных вариантов⁵³:

⁵² Белый мог ввести двоеточием многое, например, весь рассказ о «планетарных периодах» — в «Драконе» (Д 61: «дикую истину звука я буду рассказывать:»); т.е. двоеточием кончается фраза, и абзац, и главка, и оно вводит несколько десятков главок.

⁵³ Хранится в фонде Белого в ОР РНБ в Санкт-Петербурге. Другие варианты схемы хранятся в ОР РГБ (ЗС 22, ЗС 96; как и петербургская, опубликованы в: Глухова Е.В. Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссоластию»: чаша св. Грааля // Труды Русской антропологической школы. Вып. 3. М. 2005) и в РГАЛИ (Р 52, Р 53, Р 55; опубликованы Томасом Байером, с. 258-263 его издания; их цветные копии рукой К.Н. Бугаевой — в хранении и экспозиции Мемориальной квартиры Андрея Белого на Арбате).

Схема, общая «карта» фонетически-артикуляционного мироздания, подводила итог «фонокосмогонической» части. Очень сложная для воспроизведения, она могла быть изъята в последний момент, а пунктуация не исправлена⁵⁴. Вполне возможно, изъята с ведома автора – но неясно, правомерно ли считать «авторской волей» отказ от схемы из-за спешки и технических трудностей.

Мы перечислили не все необходимые исправления, но только охарактеризовали основные направления. При знакомстве с «Глоссола-

⁵⁴ Таких случаев много в берлинском тексте. Например, невероятной пунктуационной фигурой «“h” – ... – Шум» (Б 20/39) мы обязаны не доведенному до конца большому, вероятно, многоступенчатому сокращению (ср. ЗС 25). Пунктуация на месте перехода через ступеньку с тире осталась нерешенной после его вызванного сокращением устранения в Б 28/47 («аббат) мир», ср. ЗС 48). Часто остается несогласованной после сокращения грамматическая форма, например, «армянская группа – армянским» (Б 7/22; до сокращения было «армянская группа представлена нам армянским» – ЗС 46; после сокращения управляющим глаголом стало «дана нам в», т.е. следовало исправить на «армянском»), и др.

лией» по берлинскому изданию она выглядит не только радикальной по мысли, но и хаотически небрежной по исполнению, – однако последнее неверно. Особенно жаль усилий, потраченных переводчиками на интерпретацию ошибочных мест: поэма Белого о веществе языка в настоящее время переведена как минимум на пять языков⁵⁵.

---

⁵⁵ Французский: *André Bély. Glossolalie / Trad. par Catherine Prigent. Caen, 2002.* Английский перевод Т. Байера и немецкий М. Канделаки вышли вместе (*Andrej Belyj. Glossolalia. Poem über den Laut = Glossolalie. A Poem about sound*). Итальянский: *Andrej Belyj. Glossolalia. Poema sul suono / Trad. e cura Giuseppina Giuliano. Milano, 2006.* Сербский: *Андреј Бели. Глосолалија (поема о звуку) / Прев. с рус. Бојана Мишковић. Београд, 2009.* Томас Байер издал поэму и онлайн (перенабор берлинского текста, английский перевод, комментарий): <http://community.middlebury.edu/~beyer/gl/intro.html>.

Примеры работы переводчиков с ошибками: «Элогимы под ним» (надо «над», Б 17/36, ср. ЗС 111, ср. также схему Р 57) – *beneath, au-dessus, sotto*; только в немецком *hinten*, что можно понять как «за», т.е. видны сквозь. Или: «горного человека» (Б 15/31) – в трех переводах речь идет о пещерном человеке, т.е. древнем, во французском – «*homme fossile*», «ископаемый». Однако речь идет о горнем, т.е. небесном человеке, который ниже назван «макрокосмическим», далее «космическим» и «Адамом Кадмоном» (Б 17; ошибка «-аго» вместо «-его» характерна для набора, ср. «стародавнего» вм. «стародавнего», Б 36/57, ЗС 75, ЗС 78).